

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Соло
на ундервуде

(Ленинград. 1967–1978)

Вышла как-то мать на улицу. Льет дождь. Зонтик остался дома. Бредет она по лужам. Вдруг навстречу ей алкаш, тоже без зонтика. Кричит:

— Мамаша! Мамаша! Чего это они все под зонтиками, как дикари?!

Соседский мальчик ездил летом отдыхать на Украину. Вернулся. Мы его спросили:

- Выучил украинский язык?
  - Выучил.
  - Скажи что-нибудь по-украински.
  - Например, мерси.
-

Соседский мальчик:

«Из овощей я больше всего люблю пельмени...»

СЕРГЕЙ ДОВЛАТОВ

Выносил я как-то мусорный бак. Замерз. Опрокинул его метра за три до помойки. Минут через пятнадцать к нам явился дворник. Устроил скандал. Выяснилось, что он по мусору легко устанавливает жильца и номер квартиры.

В любой работе есть место творчеству.

- Напечатали рассказ?
  - Напечатали.
  - Деньги получил?
  - Получил.
  - Хорошие?
  - Хорошие. Но мало.
-

Гимн и позывные КГБ:

«Родина слышит, родина знает...»

Когда мой брат решил жениться, его отец сказал невесте:

— Кира! Хочешь, чтобы я тебя любил и уважал? В дом меня не приглашай. И сама ко мне в гости не приходи.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. СОЛО НА УНДЕРВУДЕ

Отец моего двоюродного брата говорил:

— За Борю я относительно спокоен, лишь когда его держат в тюрьме!

Брат спросил меня:

— Ты пишешь роман?

— Пишу, — ответил я.

— И я пишу, — сказал мой брат, — махнем не глядя?

Проснулись мы с братом у его знакомой. Накануне очень много выпили. Состояние ужасающее.

Вижу, брат мой поднялся, умылся. Стоит у зеркала, причесывается.

Я говорю:

— Неужели ты хорошо себя чувствуешь?

— Я себя ужасно чувствую.

— Но ты прихорашиваешься!

— Я не прихорашиваюсь, — ответил мой брат. — Я совсем не прихорашиваюсь. Я себя... мумифицирую.

Жена моего брата говорила:

— Боря в ужасном положении. Оба вы пьяницы. Но твое положение лучше. Ты можешь

СЕРГЕЙ ДОВЛАТОВ

пить день. Три дня. Неделю. Затем ты месяц не пьешь. Занимаешься делами, пишешь. У Бори все по-другому. Он пьет ежедневно, и, кроме того, у него бывают запои.

Диссидентский указ:

«В целях усиления нашей диссидентской бдительности именовать журнал „Континент“ — журналом „КонтинГент“!»

Хорошо бы начать свою пьесу так. Ведущий произносит:

— Был ясный, теплый, солнечный...

Пауза.

— Предпоследний день...

И, наконец, отчетливо:

— Помпеи!

Атмосфера, как в приемной у дантиста.

Я болел три дня, и это прекрасно отразилось на моем здоровье.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. СОЛО НА УНДЕРВУДЕ

Убийца пожелал остаться неизвестным.

— Как вас постричь?

— Молча.

«Можно ли носом стирать карандашные записи?»

Выпил накануне. Ощущение — как будто проглотил заячью шапку с ушами.

В советских газетах только опечатки правдивы.

«Гавнокомандующий». «Большевицкая каторга» (вместо — «когорта»). «Коммунисты осуждают решения партии» (вместо — «обсуждают»). И так далее.

У Ахматовой когда-то вышел сборник. Миша Юпп повстречал ее и говорит:

— Недавно прочел вашу книгу.

Затем добавил:

— Многое понравилось.

СЕРГЕЙ ДОВЛАТОВ

Это «многое понравилось» Ахматова, говорят, вспоминала до смерти.

Моя жена говорила:

— Комплексы есть у всех. Ты не исключение. У тебя комплекс моей неполноценности.

Когда шахтер Стаханов отличился, его привезли в Москву. Наградили орденом. Решили показать ему Большой театр. Сопровождал его знаменитый режиссер Немирович-Данченко. В этот день шел балет «Пламя Парижа». Началось представление.

Через три минуты Стаханов задал вопрос Немировичу-Данченко:

— Батя, почему молчат?

Немирович-Данченко ответил:

— Это же балет.

— Ну и что?

— Это такой жанр искусства, где мысли выражаются средствами пластики.

Стаханов огорчился:

— Так и будут всю дорогу молчать?

— Да, — ответил режиссер.

— Стало быть, ни единого звука?

— Ни единого.

А надо вам сказать, что «Пламя Парижа» — балет уникальный. Там в одном месте поют. Если не ошибаюсь, «Марсельезу». И вот Стаханов еще раз спросил:

— Значит, ни слова?

Немирович-Данченко в очередной раз кивнул:

— Ни слова.

И тут артисты запели.

Стаханов усмехнулся, поглядел на режиссера и говорит:

— Значит, оба мы, батя, в театре первый раз?!

Как известно, Лаврентию Берии поставляли на дом миловидных старшекласниц. Затем его шофер вручал очередной жертве букет цветов. И отвозил ее домой. Такова была установленная церемония.

Вдруг одна из девиц проявила строптивость. Она стала вырываться, царапаться. Короче, устояла и не поддалась обаянию министра внутренних дел. Берия сказал ей:

— Можешь уходить.

Барышня спустилась вниз по лестнице. Шофер, не ожидая такого поворота событий, вручил ей заготовленный букет. Девица, чуть успокоив-

СЕРГЕЙ ДОВЛАТОВ

шись, обратилась к стоящему на балконе министру:

— Ну вот, Лаврентий Павлович! Ваш шофер оказался любезнее вас. Он подарил мне букет цветов.

Берия усмехнулся и вяло произнес:

— Ты ошибаешься. Это не букет. Это — веночек.

Хармс говорил:

— Телефон у меня простой — 32-08. Запоминается легко. Тридцать два зуба и восемь пальцев.

Плохие стихи все-таки лучше хорошей газетной заметки.

Дело было на лекции профессора Макогоненко. Саша Фомушкин увидел, что Макогоненко принимает таблетку. Он взглянул на профессора с жалостью и говорит:

— Георгий Пантелеймонович, а вдруг они не тают? Вдруг они так и лежат на дне желудка? Год, два, три, а кучка все растет, растет...

Профессору стало дурно.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. СОЛО НА УНДЕРВУДЕ

Расположились мы с Фомушкиным на площади Искусств. Около бронзового Пушкина толпилась группа азиатов. Они были в халатах, тюбетейках. Что-то обсуждали, жестикулировали. Фомушкин взглянул и говорит:

— Приедут к себе на юг, знакомым будут хвастать: «Ильича видали!»

Сдавал как-то раз Фомушкин экзамен в университете.

— Безобразно отвечаете, — сказала преподавательница, — два!

Фомушкин шагнул к ней и тихо говорит:

— Поставьте тройку.

Прибыл к нам в охрану сержант из Москвы. Культурный человек, и даже сын писателя. И было ему в нашей хамской среде довольно неуютно. А ему как раз хотелось выглядеть «своим». И вот он постоянно матерился, чтобы заслужить доверие. И как-то раз прикрикнул на ефрейтора Гаенко:

— Ты что, ебнулся?!

Именно так поставив ударение — «ебнулся».

СЕРГЕЙ ДОВЛАТОВ

Гаенко сказал в ответ:

— Товарищ сержант, вы не правы. По-русски можно сказать — ёбнулся, ебанулся или набнётся. А «ебну́лся» — такого слова в русском литературном языке, уж извините, нет!

Приехал к нам строевой офицер из штаба части. Выгнал нас из казармы. Заставил построиться. И начали мы выполнять ружейные приемы.

Происходило это в Коми. День был морозный, градусов сорок.

Подошла моя очередь. «К ноге!» «На плечо!» «Смирно, вольно...» И так далее.

И вот офицер говорит, шепелявя:

— Не визу теткости, Довлатов! Не визу молодцеватости! Не визу! Не осусяю!

А холод страшный. Шинели не греют. Солдаты мерзнут, топчутся.

А офицер свое:

— Не визу теткости! Не визу молодцеватости!..

И тогда выходит хулиган Петров. Делает шаг вперед из строя. И звонко произносит в морозной тишине:

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. СОЛО НА УНДЕРВУДЕ

— Товарищ майор! Выплюнь сначала хрен из рта!

Петрову дали восемь суток гауптвахты.

На Иоссере судили рядового Бабичева. Судили его за пьяную драку. В роте было назначено комсомольское собрание. От его решения в какой-то мере зависела дальнейшая судьба подсудимого. Если собрание осудит Бабичева, дело передается в трибунал. Если же хулигана возьмут на поруки, тем дело может и кончиться.

В ночь перед собранием Бабичев разбудил меня и зашептал:

— Все, погибаю, испекся. Придумай что-нибудь.

— Что?

— Что угодно. Ты мужик культурный, образованный.

— Ладно, попытаюсь.

— С меня ящик водки...

Толкаю его в бок через полчаса:

— Вот слушай. Начнется собрание. Я тебя спрошу: «Есть у вас, Бабичев, гражданская профессия?» Ты ответишь: «Нет». Я скажу: «Так что ему после армии — воровать?» А дальше все

СЕРГЕЙ ДОВЛАТОВ

зашумят, поскольку это болезненная тема. Может, в этом шуме тебя и оправдают...

— Слушай, — просит Бабичев, — ты напиши мне, что говорить. А то я собою.

Достаю лист бумаги. Пишу ему крупными буквами: «Нет».

— И это все?

— Все. Я задаю вопрос, ты отвечаешь — «нет».

— Напиши мне, что ты сам будешь говорить.

А то я все перепутаю.

Короче, просидели мы всю ночь. К утру сценарий был закончен.

Начинается комсомольское собрание. Встает подполковник Яковенко и говорит:

— Ну, Бабичев, объясните, что там у вас произошло?

Смотрю, Бабичев ищет эту фразу в шпаргалке. Лихорадочно читает сценарий. А подполковник свое:

— Объясните же, что там случилось? Ну?

Бабичев еще раз заглянул в сценарий. Затем растерянно посмотрел на меня и обратился к Яковенко:

— А хули тебе, козлу, объяснять?!.

В результате он получил три года дисциплинарного батальона.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. СОЛО НА УНДЕРВУДЕ

В присутствии Алешковского какой-то старый большевик рассказывал:

— Шла гражданская война на Украине. Отбросили мы белых к Днепру. Распрягли коней. Решили отдохнуть. Сажу я у костра с ординарцем Васей. Говорю ему: «Эх, Вася! Вот разобьем беляков, построим социализм — хорошая жизнь лет через двадцать наступит! Дожить бы!..»

Алешковский за него докончил:

— И наступил через двадцать лет — тридцать восьмой год!

Алешковский говорил:

— А как еще может пахнуть в стране?! Ведь главный труп еще не захоронен!

Шли мы откуда-то с Бродским. Был поздний вечер. Спустились в метро — закрыто. Кованая решетка от земли до потолка. А за решеткой прогуливается милиционер.

Иосиф подошел ближе. Затем довольно громко крикнул:

— Э!

Милиционер насторожился, обернулся.

СЕРГЕЙ ДОВЛАТОВ

— Чудесная картина, — сказал ему Иосиф, — впервые наблюдаю мента за решеткой!

Пришел я однажды к Бродскому с фокстерьершей Глашей. Он назначил мне свидание в 10.00. На пороге Иосиф сказал:

— Вы явились ровно к десяти, что нормально. А вот как умудрилась собачка не опоздать?!

Сидели мы как-то втроем — Рейн, Бродский и я. Рейн, между прочим, сказал:

— Точность — это великая сила. Педантической точностью славились Зоценко, Блок, Заболоцкий. При нашей единственной встрече Заболоцкий сказал мне: «Женя, знаете, чем я победил советскую власть? Я победил ее своей точностью!»

Бродский перебил его:

— Это в том смысле, что просидел шестнадцать лет от звонка до звонка?!

Сидел у меня Веселов, бывший летчик. Темпераментно рассказывал об авиации. В частности, он говорил:

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. СОЛО НА УНДЕРВУДЕ

— Самолеты преодолевают верхнюю облачность... Ласточки попадают в сопла... Самолеты падают... Гибнут люди... Ласточки попадают в сопла... Глохнут моторы... Самолеты разбиваются... Гибнут люди...

А напротив сидел поэт Евгений Рейн.

— Самолеты разбиваются, — продолжал Веселов, — гибнут люди...

— А ласточки что — выживают?! — обиженно крикнул Рейн.

Как-то пили мы с Иваном Федоровичем. Было много водки и портвейна. Иван Федорович благодарно возбудился. И ласково спросил поэта Рейна:

— Вы какой, извиняюсь, будете нации?

— Еврейской, — ответил Рейн, — а вы, пардон, какой нации будете?

Иван Федорович дружелюбно ответил:

— А я буду русской... еврейской нации.

Женя Рейн оказался в Москве. Поселился в чьей-то отдельной квартире. Пригласил молодую женщину в гости. Сказал:

— У меня есть бутылка водки и четыреста граммов сервелата.

СЕРГЕЙ ДОВЛАТОВ

Женщина обещала зайти. Спросила адрес. Рейн продиктовал и добавил:

— Я тебя увижу из окна.

Стал взволнованно ждать. Молодая женщина направилась к нему. Повстречала Сергея Вольфа. «Пойдем, — говорит ему, — со мной. У Рейна есть бутылка водки и четыреста граммов сервелата». Пошли.

Рейн увидел их в окно. Страшно рассердился. Бросился к столу. Выпил бутылку спиртного. Съел четыреста граммов твердокопченной колбасы. Это он успел сделать, пока гости ехали в лифте.

У Игоря Ефимова была вечеринка. Собралось пятнадцать человек гостей. Неожиданно в комнату зашла дочь Ефимовых — семилетняя Лена. Рейн сказал:

— Вот кого мне жаль, так это Леночку. Ей когда-то нужно будет ухаживать за пятнадцатью могилами.

В детскую редакцию зашел поэт Семен Ботвинник. Рассказал, как он познакомился с нетребовательной дамой. Досадовал, что не воспользовался противозачаточным средством.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. СОЛО НА УНДЕРВУДЕ

Оставил первомайские стихи. Финал их был такой:

«...Адмиралтейская игла
Сегодня, дети, без чехла!..»

Как вы думаете, это — подсознание?

Хрущев принимал литераторов в Кремле. Он выпил и стал многословным. В частности, он сказал:

— Недавно была свадьба в доме товарища Полянского. Молодым подарили абстрактную картину. Я такого искусства не понимаю...

Затем он сказал:

— Как уже говорилось, в доме товарища Полянского была недавно свадьба. И все танцевали этот... как его?.. Шейк. По-моему, это ужас...

Наконец он сказал:

— Как вы знаете, товарищ Полянский недавно сына женил. И на свадьбу явились эти... как их там?.. Барды. Пели что-то совершенно невозможное...

Тут поднялась Ольга Берггольц и громко сказала:

— Никита Сергеевич! Нам уже ясно, что эта свадьба — крупнейший источник познания жизни для вас!

Критик Самуил Лурье и я попали в энциклопедию. В литературную, естественно, энциклопедию. Лурье на букву Ш — библиография, если не ошибаюсь, к Шефнеру. А я, еще того позорнее, на букву Р — библиография к Розену. Какое убожество.

Позвонили мне как-то из отдела критики «Звезды». Причем сама заведующая — Дудко:

— Сережа! Что вы не звоните?! Что вы не заходите?! Срочно пишите для нас рецензию. С вашей остротой. С вашей наблюдательностью. С вашим блеском!

Захожу на следующий день в редакцию. Красивая немолодая женщина довольно мрачно спрашивает:

— Что вам, собственно, надо?

— Да вот рецензию бы написать...

— Вы что, критик?

— Нет.

— Вы думаете, рецензию может написать каждый?..

Я удивился и пошел домой.

Через три дня опять звонит:

— Сережа! Что же вы не появляетесь?

Захожу в редакцию. Мрачный вопрос:

— Что вам угодно?

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. СОЛО НА УНДЕРВУДЕ

Все это повторялось раз семь. Наконец я почувствовал, что теряю рассудок. Зашел в отдел прозы к Титову. Спрашиваю его, что все это значит?

— Когда ты заходишь? — спрашивает он. — В какие часы?

— Утром. Часов в одиннадцать.

— Ясно. А когда Дудко сама тебе звонит?

— Часа в два. А что?

— Все понятно. Ты являешься, когда она с похмелья — мрачная. А звонит тебе Дудко после обеда. То есть уже будучи в форме. Ты попробуй зайди часа в два.

Я зашел в два.

— А! — закричала Дудко. — Кого я вижу! Сейчас же пишите рецензию. С вашей наблюдательностью! С вашей остротой...

После этого я лет десять сотрудничал в «Звезде». Однако раньше двух не появлялся.

У поэта Шестинского была такая строчка:

Она нахмурила свой узенький лобок...

В Союзе писателей обсуждали роман Ефимова «Зрелища». Все было очень серьезно. Затем неожиданно появился Ляленков и стал всем ме-

СЕРГЕЙ ДОВЛАТОВ

шать. Он был пьян. Наконец встал председатель Вахтин и говорит:

— Ляленков, перестаньте хулиганить! Если не перестанете, я должен буду вас удалить.

Ляленков в ответ промычал:

— Если я не перестану, то и сам уйду!

Встретил я как-то поэта Шкляринского в импортной зимней куртке на меху.

— Шикарная, — говорю, — куртка.

— Да, — говорит Шкляринский, — это мне Виктор Соснора подарил. А я ему — шестьдесят рублей.

Шкляринский работал в отделе пропаганды Лениздата. И довелось ему как-то организовывать выставку книжной продукции. Выставка открылась. Является представитель райкома и говорит:

— Что это за безобразие?! Почему Ахматова на видном месте? Почему Кукушкин и Заводчиков в тени?! Убрать! Переменить!..

— Я так был возмущен, — рассказывал Шкляринский, — до предела! Зашел, понимаешь, в уборную. И не выходил оттуда до закрытия.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. СОЛО НА УНДЕРВУДЕ

Прогуливались как-то раз Шкляринский с Дворкиным. Беседовали на всевозможные темы. В том числе и о женщинах. Шкляринский в романтическом духе. А Дворкин — с характерной прямоотой. Шкляринский не выдержал:

— Что это ты? Все — трахал да трахал! Разве нельзя выразиться более прилично?!

— Как?

— Допустим: «Он с ней был». Или: «Они сошлись»...

Прогуливаются дальше. Беседуют. Шкляринский спрашивает:

— Кстати, что за отношения у тебя с Ларисой М.?

— Я с ней был, — ответил Дворкин.

— В смысле — трахал?! — переспросил Шкляринский.

Была такая поэтесса — Грудинина. Написала как-то раз стихи. Среди прочего там говорилось:

...И Сталин мечтает при жизни
Увидеть огни коммунизма...

Грудинину вызвали на партсобрание. Спрашивают:

— Что это значит — при жизни? Вы, таким образом, намекаете, что Сталин может умереть?

СЕРГЕЙ ДОВЛАТОВ

Грудинина отвечала:

— Разумеется, Сталин как теоретик марксизма, вождь и учитель народов — бессмертен. Но как живой человек и материалист — он смертен. Физически он может умереть, духовно — никогда!

Грудинину тотчас же выгнали из партии.

Это произошло в Ленинградском театральном институте. Перед студентами выступал знаменитый французский шансонье Жильбер Беко. Наконец выступление закончилось. Ведущий обратился к студентам:

— Задавайте вопросы.

Все молчат.

— Задавайте вопросы артисту.

Молчание.

И тогда находившийся в зале поэт Еремин громко крикнул:

— Келе ре тиль? (Который час?)

Жильбер Беко посмотрел на часы и вежливо ответил:

— Половина шестого.

И не обиделся.

Содержание

Часть первая. СОЛО НА УНДЕРВУДЕ (Ленинград. 1967–1978)	5
Часть вторая. СОЛО НА IBM (Нью-Йорк. 1979–1990)	95

Довлатов С.

Д 58   Записные книжки / Сергей Довлатов. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. — 192 с. — (Азбука Premium).

ISBN 978-5-389-11777-8

Художественная мысль Сергея Довлатова при видимой парадоксальности, обоснованной жизненным опытом, проста и благородна: рассказать, как странно живут люди — то печально смеясь, то смешно печалась. В его книгах нет праведников, потому что нет в них и злодеев. Писатель знает: и рай, и ад — внутри нас самих. В России Довлатов — один из самых устойчиво читаемых авторов. Его проза инсценирована, экранизирована, изучается в школе и вузах, переведена на основные европейские и японский языки.

Записные книжки («Соло на ундервуде» и «Соло на IBM») — основа основ довлатовского творчества. Собрание смешных и грустных фраз, ситуаций, образов, в разное время увиденных, услышанных, отмеченных писателем. Читая эту книгу, вы входите в мастерскую Довлатова. И этим, возможно, она ценней иных, самых известных его произведений.

Тексты публикуются в последней авторской редакции.

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос-Рус)6-44

Литературно-художественное издание

СЕРГЕЙ ДОВЛАТОВ
ЗАПИСНЫЕ КНИЖКИ

Ответственный редактор Кирилл Красник
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Татьяна Раткевич
Корректор Елена Шнитникова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 06.09.2018. Формат издания 70 × 100^{1/32}.
Печать офсетная. Тираж 2000 экз. Усл. печ. л. 7,74. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

18+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».

170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

Y-LAP-19804-03-R

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ
ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве:

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01,

факс: (495) 933-76-19

e-mail: sales@atticus-group.ru;

info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге:

Филиал ООО

«Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55,

факс: (812) 327-01-60

e-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве:

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01

e-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:

www.azbooka.ru,

www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей

и творческого сотрудничества

размещена по адресу:

www.azbooka.ru/new_authors/